

МЯТЕЖНАЯ ЛИРА

Николай МОРДВИНОВ,
народный артист СССР

ПРЕСС времени, под тяжестью которого сердца людей раскалялись добела, заставил поэта создать в кратчайший срок и оставить нам то колоссальное наследие, что потом переплавилось в могучее и гордое понятие — Лермонтов.

«Смерть Поэта» пророчески выразило скорбь поколений; его «Бородино» воспитало в любви к родине не одно племя молодое; строки из «Демона» повторяла в тюрьме Уля Громова; читая его «Песню про купца Калашникова», мы гордились тем, что мы русские.

Стихотворения Лермонтова стали народными, обратились в песни, романсы, арии, оперы, явились темой многих произведений искусства, а отдельные фразы их вошли в обиход поговорок.

Доселе нас волнует «облитая горечью и злостью» его мятежная лира. Разделяем мы его презрение к «жалкому свету» «глупцов да лицемеров». А его гневное осуждение безвременной и бессмысленной гибели лучших представителей «распятого поколения» (Огарев) до сих пор ранит сердца. В горькой обиде за человека, который стонет «от рабства и цепей», поэт-гражданин, верный и гордый сын отечества, с горечью признается:

Друг! Этот край... моя отчизна!

От одной этой фразы тесно в груди, и сердце становится тяжелым, как камень.

Так ненавидеть и любить может только великая душа патриота!

Могучее и гневное осуждение всякой подлости, маски, ханжества предполагает не менее великое утверждение: без «Нет!» сомнительно и «Да!». Какое же светлое «Да!» грезилося ему, если он умел так гневно ненавидеть! В этом его величие.

Громадный и противоречивый мир образов, живущий в «безверии в жизнь и чувства человеческие, при жажде жизни и избытке чувства» (Белинский), поражает сложностью, совершенством воплощения.

Казалось бы, что молодость несовместима с той глубиной постижения характеров сложных, разных, мощных, ничтожных, старых, молодых, мужских, женских, разного положения и сословия, а между тем факт, что, например, сложнейшая философская драма «Маскарад» написана им в 20 лет, а все остальное... чуть не за пять лет его короткой жизни, не насчитавшей и 27 годов. Факт и то, что из его поэзии в литературу вошел ряд великих имен.

Круг интересов Лермонтова невероятно велик, желания беспредельны, а возможность их воплощения ничтожна. Необъятные по глубине порывы к счастью — и, вместе с тем полное отсутствие возможности их претворения...

Я перечитал «Русских женщин» Некрасова и думал о том, как сильна может быть женщина, когда одержима святой правдой!

Я перечитал «Дневник княжны Волконской» — потрясающий документ величия человеческого духа, — право же, читал, и ревел, и переставал читать — спазмы давили горло... и вновь читал, и вновь слезы застилали глаза... и думалось: как высоко в нравственном подвиге может подняться человек! А ведь в конце концов это дневник девочки!

Таких характеров было много. Народ таил в себе много чистых, преданных, светлых, гуманных сил. В ряду людей великого мужества стоит и имя Михаила Юрьевича.

ЧАСТО в жизни туман обрывает мир ближайшими кустами и человек теряет дорогу. Часто горе закрывает горизонт... Ночь истории страшнее тумана на природе, и надо быть великим провидцем, чтобы верить, что «мрачная ночь» — как назвал это время изгнанник Герцен — кончится, что туман рассеется и за «кустами» раскроется прекрасный широкий мир.

Во имя грядущего дня Лермонтов бросает в ночь своего юного пленника Мцыри, бросает в поединок Демона, Арбенина, Калашникова... как бросается сам с дерзким вызовом «толпе завистливой и злой». Да, все гибнут...

Но такова закономерность века. Список погибших передовых людей, способных своим трудом возвеличить родину, бесконечно велик и... страшен — с их гибелью интеллектуальная жизнь народа была отодвинута вспять на десятилетия...

Лермонтов заставил звучать свою лиру, «как колокол на башне вечевой во дни торжеств и бед народных», заставил ее вещать только правду — трудная обязанность!

- 9 ОКТ 1964

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РОССИЯ
Г. МОСКВА

Единство слова и дела в поэзии и жизни заставляет утверждать, что мужество и смелость — понятия трудные, опасные, сколь и благородные — для него не были лишь декларацией.

Гнев поэта, погибшего в поединке с эпохой, его гениальная муза, освященная гражданственностью, напоены протестующей волей, волей, для своего времени революционной, которой так боялся монарх, выбивавший из голов верноподданных малейший признак вольномыслия. Воля эта для нас пленительна, так как она настойчиво служила созданию произведений правдивых, благородных, совершенных — произведений подлинного искусства.

ВСЕ ТВОРЧЕСТВО поэта — великий подвиг. И мы, потомки Лермонтова, благодарим Михаила Юрьевича за этот его подвиг.

Сколько надо было выстрадать, какую пробудить в себе гордость, чувство собственного достоинства, бесстрашия, чтобы принять на себя бремя объявленного боя!

Очевидно, потому война против всяческих богов на земле и небе вызывает симпатию к самому воину; очевидно, потому так волнует поэма «Демон», потому мистическое содержание и становится реальностью, облеченной в вымышленную форму.

Мне дорога и та грань его дара, которая выразилась в прославлении простого русского человека. Герои поэмы «Бородино», Степан Калашников, Аленушка... Я люблю их всей моей артистической, человеческой, гражданской любовью! «Песня про купца Калашникова» будит самые высокие чувства. Наряду с «Мцыри», «Демоном» я с удовольствием читаю с эстрады эту волнующую и родную историю о том, что он, народ, обладает даром любить правду, семью, честь, родину и стать за них стеной, как становились воспеты поэзией или возвеличенные са-

мой действительностью поэтические и жизненные герои наши.

Кстати, эта «Песня» напоминает мне те сказки «под гуслирный звон», которые я слышал в детстве у себя на Волге, их пели певцы-гуслиры — своеобразные пропагандисты славы русской. Несут эту славу в мир и певцы-гуслиры Лермонтова, не давая умереть бесследно и бесславно подвигу, как не умер и не умрет в веках лучший ее певец Михаил Юрьевич Лермонтов.

А почему личные переживания персонажей драмы «Маскарад» потрясают людей, драмы исключительно талантливой, но созданной на чуждой, порою непонятной и далекой нашему зрителю теме, событиях, обстановке? Почему эта драма потрясала людей, только что вышедших из кровавого боя (мне писали о таком с фронтов Отечественной войны, когда там демонстрировался фильм, снятый к прошлому юбилею Лермонтова)? Почему фильм волновал людей, живших в голодном, промерзшем, темном осажденном Ленинграде? (Писали и оттуда.) Почему люди гордились Лермонтовым тогда, в войну, до войны, почему сейчас считают себя богаче от сознания, что в великой русской литературе, в литературе Советского Союза есть Лермонтов?

Наверно, потому, что удивительный поэт рассказывал в своей пьесе не частную историю игрока, а раскрыл мудрейшую исповедь века; раскрыл ад в груди Арбенина и ад, в котором он, Арбенин, жил и который до поры считал раем: потому, что сказал главное слово об эпохе, ее событиях, людях, об обширном храме — без божества; что вынес поэтический приговор проклятому времени, «жадной толпой стоящим у трона, Свободы, Гения и Славы палачам»; и еще потому волнуют его произведения, что мы разделяем это его кредо.

Михаил Юрьевич смотрит на свою среду без всякой иллюзии, в обрисовке характеров не жалеет густых красок. Беспощадный автор знает, что «над-

менные потомки известной подлостью прославленных отцов» играют «ва-банк», в банке — жизнь, своя, своих крепостных, и играют не только с желанием выиграть, а и с неперенной задачей унижить другого, «передернуть благородно», «сохранив и честь, и миллионы», «игрой достигнуть до чинов», «из грязи войти со знатью в связи», не влюбиться, чтобы соединить две жизни в одну или получить отказ, а влюбить в себя и отказаться...

Огромный заряд осуждения впитала каждая строчка драмы «Маскарад». Она полна неистового презрения к маске, прикрывающей подлинное лицо великодушного человека: без маски мнимого благопристойного, под маской похотливого, подлого ханжи, интригана.

Своеобразие воззрений на события, почерк автора, их запечатлевший, делают драматурга жестким автором, тему — неповторимо лермонтовской, произведение — не мрачной трагедией, а гневным обличительным документом.

Такой бунт передового человека эпохи не может оставить нас, советских людей, равнодушными.

ДАРОВАНИЕ неповторимо, и потому великий и непрощаемый грех взял на душу монарх, лишив народ поэта, способного обогатить культуру и прославить отечество.

Дивный гений с горящим сердцем своей жизнью и смертью, своим удивительным талантом как бы прокликает черное безвременье с убийцей-идолом на его вершине!

Я люблю Лермонтова с тоской по убитому таланту, восхищаясь его жизнью и творчеством, люблю за его изумительный по силе и совершенству стих, за мысль горячую, за страсть могучую, за гражданственность неподкупную, за его мятежную лиру, за красоту взволнованную.